

*Секреты
женского счастья*

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачкова

Свободна
ОТ ОБЯЗАТЕЛЪСТВ

Р О М А Н

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Художественное оформление серии
Н. Каштыкиной

Редактор серии *В. Горюнова*

Колочкова, Вера.

К61 Свободна от обязательств : роман / Вера Колочкова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-201924-1

Марина была хорошей женой и матерью и превыше всего ценила долг. Она строила семейную крепость на века. Но крепость оказалась непрочной и рухнула в одночасье, когда муж Марины ушел к другой... Такое бывает в жизни — и довольно часто. Но как поступают женщины? Страдают. Клянут судьбу. Упиваются горем. Марина решила, что этот путь не для нее. Она сменила работу, имидж и даже любовника себе завела на десять лет моложе. Она решила: хватит все делать правильно. И приготовилась насладиться счастьем. Однако счастье... и в этот раз не далось ей в руки сразу. Через какое-то время муж попросился назад, в семью, и прежняя, «правильная» Марина встала перед выбором: исправить ошибки канувшей в прошлое идеальной семейной жизни или смело позволить себе делать новые ошибки и быть свободной от обязательств...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-201924-1

Наташка ворвалась в дверь в обычной своей манере — так, будто кто вытолкнул ее из коридора. Плюхнувшись на свое место в углу, прокрутилась на стуле, разнеся по кабинету специфический, ни с чем не сравнимый запах выкуренной только что сигареты. А может, и двух сигарет. Может, и трех даже. Они там, в дальнем закутке коридора, подолгу стоят, выпуская из себя вместе с дымом все офисные сплетни-новости. Если новостей много, тут одной сигаретой и впрямь не отделаешься. Сегодня с утра, наверное, как раз их много было. Такой уж душок Наташка с собой принесла.

Марина чуть передернулась, чуть поморщилась — она терпеть не могла запаха табака. Но промолчала, как обычно. А что делать? Не читать же девчонке лекций о вреде курения. Все равно не поймет. Еще и рассердится, будет потом пыхтеть целый день да бросать на нее сердитые взгляды из-за компьютера. И нахамить

ВЕРА КОЛОЧКОВА

может, у нее не задержится. Бросит сквозь зубки что-нибудь вроде того: не лезьте в мою личную молодую жизнь. И откуда они этого хамства набираются, нынешние девчонки? Вот она в ее возрасте ничего подобного себе не позволяла. К начальству была почтительной, на работу абы как не одевалась, по курилкам не бегала. Потому и карьеру на фирме сделала. Пусть и небольшую. Как Олег насмешливо говорит, карьерку. Может, он и прав. Не велика карьера — руководить юридическим отделом из трех человек. Тем более основной воз работы она сама на себе тащит. Анна Семеновна, чем ближе к пенсии, тем больше стала на больничных отсиживаться, а с Наташки какой спрос? Даже и поручать ей серьезные дела страшновато. Завалит, не дай бог, а ей потом ответ перед Львом Борисовичем держать. Нет, не выйдет из девчонки толку. Она такой в ее возрасте не была...

Поймав себя на ворчливых мыслях, Марина тряхнула головой, расправила плечи, мельком глянула в просвет вертикальных линейчек жалюзи — июньский занудный дождь и не думал останавливаться, чертил свои грустные кривые на оконном стекле. Погода как осенью. Ждешь, ждешь этого лета, а оно встречает тебя сырым холодом, будто в лицо плю-

Свободна от обязательств

ет. И настроение — под стать дождю. Почти старушечье. Это в тридцать-то восемь лет! А что с ней дальше будет? И на Олега утром успела набрюзжать, когда на работу собиралась. А чего он вечно зеркало в ванной пеной для бритья забрызгивает? Поаккуратнее нельзя, что ли? Да еще и в грязных ботинках потом в комнату прошел, следы на паркете остались. Ну вот, опять она! Нет, надо что-то делать с этим дурацким настроением. Выползть из него как-то. Иначе и впрямь в старуху превратишься.

— Наташ... Там по электронке проект договора от заказчика пришел, посмотри, пожалуйста.

— А чего его смотреть? Он же типовой. Мы такие сто раз делали. Надо распечатывать да на подпись нести, и все дела... — отозвалась Наташа.

— А ты все-таки посмотри. Почитай. Надо каждый документ изучать внимательно, ты же юрист все-таки.

— Ой, Марина Никитична... Ну какая вы, ей-богу!

— Какая, Наташ?

— Слишком уж правильная, вот какая. Каждую бумажку готовы вдоль и поперек изучить,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

а главного не видите. Нет, я прямо не могу, ей-богу! Обидно за вас даже.

— Тебе? За меня? Обидно? — удивленно подняла на подчиненную глаза Марина. — Надо же, какая странная реакция.

— И ничего не странная. Вот мы сейчас с девчонками из маркетинга курили, как раз об этом и говорили.

— О чем? О твоей реакции?

— Да нет. При чем тут реакция? Мы это... Ой, я не могу так! Мариночка Никитична, неужели вы и впрямь... ничего не замечаете? И не видите?

— А что я должна замечать и видеть, Наташа?

— А то, что давно уже все знают и за вашей спиной об этом шепчутся. А мне... Мне обидно за вас. Тут такое, а вы — «договор, договор»... Да бог с ним, с договором этим!

— Ну что ж, говори, коль начала, — улыбнулась ей Марина снисходительно. — Что там за моей спиной страшное происходит? Неужели у меня вместо лопаток крылья выросли? А я и не почувствовала.

— Ага. Давайте еще чего-нибудь пошутите. Какая ж вы наивная, Марина Никитична.

Свободна от обязательств

У вас там не крылья, у вас там огромные рога уже выросли!

— На спине? О ужас, — нарочито округлила глаза Марина. — Не знаю, как это выглядит, но звучит очень даже креативно — рога на спине.

Она рассмеялась весело и старательно, насколько смогла. А что оставалось делать? Не плакать же перед девчонкой в самом деле. Да и причины особой для слез нет. Ну, постояли они в коридоре, посплетничали про Олега. Подумаешь, секрет полишинеля. Да все мужское население фирмы около этой новенькой секретарши кругами ходит! И чего они в ней нашли? Купились на обаяние испуганной лани? Мужичьи инстинкты проснулись — опекать, защищать и чтоб шубу в грязь и под ноги? А секретарша и впрямь на барышню-лань похожа: тоненькая, голенастая, глазки наивностью промытые. Не секретарша, а сплошное умиление. И Олег туда же — хорохорится перед ней остроумием. А что, действительно, он рыжий, что ли? Ему ж тоже охота пофлиртовать. Тем более ему в этом вопросе труднее всех приходится, потому что жена под боком сидит. Нет, все-таки не зря говорят, что нельзя супругам работать в одном месте. Надо рас-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ходить по утрам по разным коллективам, а по вечерам встречаться за ужином, обмениваться информацией. Такой, какой нужно. Чтоб можно было и приврать слегка.

— Зря вы так, Марина Никитична, — тихо проговорила Наташа, уткнувшись в экран компьютера. Не без горечи, между прочим, проговорила. Стояла за этой горечью обидная бабья жалость. И обидная досада на ее, Марино, легкомыслие. Вроде того — какие ж вы, рогатые женушки, глупенькие, вечно всю правду последними узнаете. Говоришь вам в открытую, а вы смеетесь.

— Ладно, Наташ, работай. Ты, кстати, не знаешь, когда Анна Семеновна с больничного выйдет? — наобум спросила Марина, для того только, чтобы увести опасный разговор в сторону.

— Так вроде сегодня обещала. Я ей звонила вчера домой, она сказала, что придет. Да и мне совсем не хочется ее бумаги ворошить. У нее там все сроки для котировочных заявок проходят.

— Ну раз обещала, значит, придет. Она человек обязательный.

— Ага. А вот вы, если мне не верите, у Анны Семеновны про вашего мужа тоже спроси-

Свободна от обязательств

те. Она тоже в курсе дел! Она даже, между прочим, поговорить с ним хотела и пристыдить, а он...

— Наташа, хватит. Мне этот разговор неприятен. Неужели ты не понимаешь?

— Да я что? Я ничего. Я же как лучше хотела, чтоб вы идиоткой в глазах коллектива не выглядели. Не хотите — не надо.

Поджав пухлые, блестящие от розовой помады губки, Наташа спряталась за монитором, нервно начала возить мышью по столу, демонстрируя свою обиду.

Ничего, пусть. Пусть уж лучше обижается, чем чужую жизнь оценивает. Нет, понятно, что она за свою начальницу искренне переживает, но уж слишком эта ее искренность бесцеремонная. Хотя другой и не бывает, наверное? Если пропускать порывы души через «церемонии», то от настоящей искренности и следа не останется, сплошная интеллигентность наружу вылезет. Пресловутое показное достоинство. Очень, кстати, удобная штука. Можно им прикрыться, как ширмой, можно отшутиться, можно разговор вежливо прекратить по причине его «неприятности», но душу-то этим все равно не спасешь. На душе-то кошки скребут, да еще какие. Она ж тоже не слепая, она тоже

ВЕРА КОЛОЧКОВА

видит и чувствует, что в ее семье происходит. Большое что-то назревает, неладное. Как ни убеждай себя, что все это чушь и ерунда, как ни списывай все на мужнин возрастной сорокалетний кризис, а назревает. А как не хочется, чтоб назревало! Где бы песочку тепленького побольше раздобыть да голову в него постраусиному спрятать, чтоб отсидеться?

Марина незаметно вздохнула, отметив про себя, что вздох получился совсем уж тревожный какой-то. Старушечий. Нет, хватит уже! Чего она боится в самом деле? Надо обязательно сегодня вечером с Олегом поговорить. Причем основательно так поговорить, со слезами и упреками. Можно и с истерикой даже. И аргументы для истерики у нее теперь есть — сотрудники уже в открытую пальцем тычут... Надо, надо поговорить. Если он домой не за полночь придет, конечно. А хотя бы и за полночь! Тоже, выдумал себе легенду: к маме на дачу он ездит. И ведь не проверишь, не поймаешь за руку! Вероника Андреевна, драгоценная свекровушка, так отошьет, если она вздумает проверками себя унижить, что мало не покажется. Она ее с первых лет замужества к этому приучила — не унижать себя ревностью. Приучить-то приучила, а сама змеей из-

Свободна от обязательств

вернется, а сыночка своего прикроет. Ханжа старая. Фу, как противно. И зачем она приняла эти ее дурацкие правила, именуемые «женским достоинством»? Мужа на глазах уведут, а она только и делает, что барахтается в этом достоинстве. Нет, все, хватит. Сегодня она свою свекровушку прижмет. Обязательно до нее дозвонится и попросит... Нет, не попросит! Не попросит, а именно потребует, чтобы передала мобильник сыночку, который якобы ее навестил по причине случившегося сердечного недомогания. А на ее презрительное «фи, Мариночка» так ответит... Так... А как она ответит?

— Ой, Мариночка, простите ради бога за опоздание.

Вздвогнув, Марина вынырнула из предполагаемого диалога со свекровью, улыбнулась шумно вошедшей в кабинет Анне Семеновне. От Анны Семеновны всегда почему-то исходило много шума. Может, потому, что была она большой, толстой и одышливой, и говорила много, и шуршала плащом, и устраивалась на крутящемся стуле долго и основательно, и со стоном наклонялась, чтобы расстегнуть «молнию» на ботинках и потом сунуть ноги в растоптанные туфли на низком каблуке.

— ...Представляете, сейчас такую очередь в

ВЕРА КОЛОЧКОВА

регистратуру выстояла! Просто ужас. Я им говорю, мне только больничный зарегистрировать да печать поставить, так нет, не пропускают! Так плохо себя чувствую, Мариночка, если б вы знали. Меня участковая наша никак не хотела выписывать, да я настояла. Думаю, как вы тут одна справитесь...

— Почему это — одна? А я что, не в счет? — обиженно пробурчала со своего места Наташа, не отрывая взгляда от монитора.

— ...Давление у меня так и не снизилось, представляете? — проигнорировав Наташину реплику, продолжала пыхтеть Анна Семеновна. — Как наклонюсь, сразу в глазах будто песок горячий перекачивается.

— А вы не наклоняйтесь. Ходите себе прямо, — снова встряла Наташа в поток ее жалоб.

— А тебя не спросила, советчица сопливая, — беззлобно повернулась к ней Анна Семеновна. — Чего это ты взъерошенная такая сегодня? Поссорились вы тут без меня, что ли?

— Нет. Не поссорились. Так. Поговорили просто, — бросила ей Наташа.

— О чем это?

— Да все о том же. Вы сами знаете, о чем. А она не верит.

Свободна от обязательств

— А... Понятно.

Анна Семеновна замолчала, сложила пухлые ладошки в замок и, покачивая головой, стала оглядывать Марину, словно примериваясь, с какого боку ее укусить.

— Наташ, выйди-ка на минутку, — коротко приказала она девушке.

— С чего бы это? — строптиво повернула к ней голову Наташа.

— Да ни с чего. Просто мне с Мариночкой поговорить надо.

— А я вам что, мешаю?

— Мешаешь. Иди, Наташенька. Там в буфете как раз свежие эклеры привезли, я видела, когда мимо проходила. С белковым кремом. Ты же их любишь, я знаю. Иди, чаю попей.

— Тогда я уж лучше покурю пойду... — Вздохнув, Наташа поднялась со своего места.

— Ну, если ты полагаешь, что это большее удовольствие, чем есть эклеры, тогда конечно.

— Да. Именно так я и полагаю, — в тон ей ответила Наташа, мило оскалившись уже в дверях. — А эклеры свои сами ешьте. Мне нельзя, я фигуру берегу. А вам можно, вам в этом смысле терять нечего.

— Нет, вы посмотрите на нее, Марина! — то ли насмешливо, то ли возмущенно прого-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ворила Анна Семеновна, когда за Наташей закрылась дверь. — Прямо на каждом шагу обхамить готова! И где у нас с вами глаза были, когда мы третьего юриста на работу брали? Целый кастинг устроили, а приняли бог знает кого. Ни ума, ни старания, ни способностей особенных. И ведет себя нагло. Вы не помните, чем она нас взяла, эта Наташка?

— Нет. Не помню. Да нормальная в принципе девчонка. Просто молодая еще. Со временем обтешется. Так о чем вы со мной поговорить хотели, Анна Семеновна? Только покорооче, пожалуйста, у меня работы очень много.

— Ну да, ну да. Ой, даже не знаю, как вам и сказать, Мариночка. Тут дело такое, щекотливое очень.

— Это вы про Олега, наверное?

— Ой, так вы уже знаете, да? А то ведь у нас как... Жены всегда все узнают последними.

— Что узнают, Анна Семеновна? Что такое особенное я должна узнавать? Что Олег ухаживает за Настей? Ну да, ухаживает. Так и пусть себе на здоровье. На то он и мужчина, чтоб обращать внимание на красивых молодых женщин. Он в евнухи не подписывался, в конце концов! И вообще...

— Да вы не сердитесь, Мариночка. Я пони-

Свободна от обязательств

маю, как вам сейчас гадко. Давайте лучше вместе подумаем, что в этой ситуации можно сделать, чтобы...

— Анна Семеновна, я не собираюсь ни с кем обсуждать свои семейные проблемы. Извините, если я сейчас груба с вами. Я как-нибудь сама разберусь.

— Ну вот, обиделись! Я ж вам добра хочу, я же абсолютно искренна с вами! Не хорохорьтесь, Мариночка. В данной ситуации лучше проговаривать проблему. Как выражается мой муж, «надо бить гордыню кулаком в темечко».

— Нет. Я сама разберусь. Спасибо за участие, — холодно отрезала Марина, отвернувшись к окну. Дождевые капли по-прежнему вяло ползли по стеклу, перетекая одна в другую, постепенно утолщаясь и образуя в конце довольно шустрые ручейки, похожие на обильные слезы.

— Ну что ж, смотрите, — помолчав, сухо произнесла Анна Семеновна, — сами так сами. Только как бы уж поздно не было разбираться-то. Вы хоть в курсе, что у них все уже далеко зашло? Очень далеко?

— Я — нет. А вы, стало быть, в курсе?

— Так не я одна. Вот уж месяц, как все только об этом и говорят. Их же все время ви-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

дят вместе в городе. А Валентина Петровна из бухгалтерии как-то с отчетом задержалась, пошла домой совсем поздно, а они в приемной...

— Хватит, Анна Семеновна! Мне все понятно. Можете не продолжать.

— Нет, но это же невозможно, Мариночка! Вы что, действительно ничего не замечаете? Слепли и оглохли? Он же уже все грани дозволенные перешел! Я сейчас через приемную проходила, он опять около нее торчит. И ведь даже не соизволил приличное выражение лица в мою сторону сделать! Так на эту Настю смотрит, что... Мне даже неловко стало, ей-богу. Бессовестный! Прямо при живой жене.

— Да. Уж извините, умирать мне пока не хочется.

— Так и я про то же. Нет, мне все-таки интересно... Неужели вы и впрямь ничего не замечали? Или притворяетесь? А, Мариночка?

Марина улыбнулась затравленно, пытаясь уложить в себе полученную информацию. Ту самую информацию, которая бродила вокруг нее неприкаянно и была лишь неприятной тенью — до сегодняшнего дня. Тенью, от которой можно было отмахнуться. Потому что она злая, липкая и противная. Испуганный разум так и шептал: отмахнись. Не надо, мол, знать

Свободна от обязательств

о том, о чем знать не хочешь. Совершенно дурацкая позиция. Как будто она, эта позиция, ей аванс посулила — авось пронесет, само по себе рассосется, в раковую опухоль не материализуется. Черта с два, не материализуется! Кого этой позицией обмануть можно? Саму себя разве?

— Ну, что вы молчите? Если не верите, так сами сходите и посмотрите. Наверняка ваш муженек до сих пор там торчит, в приемной. Он же не думает о том, что вас на весь свет ославил. Что у вас тут должность, авторитет, зарплата высокая. Стоит, смотрит на нее, как влюбленный тетерев. А она глазки вскинула, улыбается, трепещет вся. Тьфу, противно! Куда вы, Мариночка?

Марина и сама не поняла, что произошло. Ноги сами понесли ее к выходу из кабинета. Да что такое происходит в самом деле? Она что, и впрямь посмешищем для всех стала? Объектом для сплетен в курилках, объектом для жалости? Возмущение захлестнуло ее полностью, будто окатило сверху ледяным душем. Так бывает со многими людьми: терпят, терпят до последнего, делают распрекрасную мину при плохой игре, а потом вдруг — раз! — и взорвутся праведным негодованием. И грудью

ВЕРА КОЛОЧКОВА

вперед, и плечи назад, и подбородок вверх — мы гордые, мы не такие! И вообще с нами так нельзя!

Олег действительно был в приемной — стоял к Марине спиной, упершись руками в Настин большой стол. На секунду выплыло из-за Олеговой спины Настино счастливо-обалдевшее лицо и тут же спряталось обратно. И Олег распрямылся, развернулся к Марине всем корпусом, уставился виновато и одновременно набычившись. Удивительно даже, как это у него на лице все совместилось — и виноватость, и злость. А Настино лицо стало, наоборот, очень испуганным. Хорошенькая головка будто в плечи ушла, одни ушки маленькие торчат, разве что руки не выставила навстречу для защиты. Не зря, наверное, испугалась. Надо полагать, вид вошедшей в приемную законной жены был для нее сейчас страшнее статуи Командора. Хотя самой Марине казалось, что держится она с прежним равнодушным достоинством. Только голос слишком уж надрывно и неистово прозвучал, будто скрипичная струна лопнула:

— Олег. Выйди на минуту. Поговорить надо.
Развернувшись, она вышла в коридор, вста-